

СЕКЦІЯ 2 МЕТОДОЛОГІЯ ТА МЕТОДИ СОЦІОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЧАСТНОЙ ЭПИСТОЛЫ SOCIO-ANTHROPOLOGICAL SPECIFICITY OF THE PRIVATE EPISTLE

В статье рассматриваются возможности анализа личной переписки. На примере качественного анализа конкретного письма описаны онтологические особенности его структуры, такие как насыщенность экзистенциальными состояниями, некоторые социологические индикаторы, имеющие отношение к качеству жизни, а также лингвистические особенности (кажущаяся алогичность текста, социальная окрашенность письма). Обосновывается необходимость архивации наивных текстов.

Ключевые слова: наивное письмо, повседневность, частная переписка, качественная социология.

У статті розглядаються можливості аналізу особистого листування. На прикладі аналізу конкретного листа описані онтологічні особливості його структури, такі як насиченість екзистенційними ста-

нами, соціологічні індикатори, що мають відношення до якості життя, лінгвістичні особливості (удавана алогічність тексту, соціальна забарвленість письма). Обґрунтовується необхідність архівації наївних текстів.

Ключові слова: наївне письмо, повсякденність, приватне листування, якісна соціологія.

The article discusses the possibility of private correspondence analysis. An analysis of a particular letter describes the ontological features of its structure (saturation of existential states), sociological indicators (which are related to the quality of life), linguistic features (apparent incoherence of the text, social aspects of the letters). The necessity of creating naive texts archives is substantiated.

Key words: naive writing, everyday life, private correspondence, qualitative sociology.

УДК 304+81'27

Гоманюк Н.А.,

к. соц. н., доцент кафедры социально-экономической географии
Херсонский государственный университет

Наивный дискурс, выраженный посредством наивного письма, или «документов жизни», как их называет К. Пламер [2], – это одна из форм отражения личной жизни, характерная для миллионов людей. Изучение наивных текстов способствует расширению круга социологических представлений о мире повседневности, результатах социальной перцепции, познанию имплицитных составляющих социальных явлений. В последнее время изучению наивного дискурса уделяется все больше внимания. Рассматривая социальную реальность в частных письмах, биографиях, дневниках, историях семей, фотографиях и др., мы сталкиваемся не только с миром повседневности автора, но и с миром повседневности его референтных групп, их дискурсивными практиками, историческими и культурными коннотациями текста [3, 9]. «Сторонники постмодернизма стремятся к тому, чтобы повествованиям, реализующим другое, немодерное, видение происходящего, – глазами женщин, расовых или сексуальных меньшинств, «других» культур, «эмпирических» индивидов» – также нашлось место» [7]. Повествования в рамках наивного дискурса тесно связаны с социальными процессами и явля-

ются ценным эмпирическим материалом для социальных исследований.

Частная эпистола является объектом интереса не только социологов, но и социальных антропологов, филологов, историков, психологов, этнографов, географов, и это неудивительно, потому что содержание частной переписки может быть самым разнообразным. Особенностью этого направления является его мультидисциплинарность. Одними из первых к частной эпистоле обратились американские социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в уже ставшем классическим труде «Польский крестьянин в Польше и в Америке» [2]. На постсоветском пространстве широкую известность получил цикл работ Н. Козловой и И. Сандомирской, посвященный анализу наивных текстов [3; 4; 5]. В Украине также ведется работа в этом направлении. Отдельно следует упомянуть начатую И. Поповой работу по созданию «Народного архива» в Одессе, который должен представлять собой базу данных, собрание наивных текстов самого разного характера [8].

При изучении наивного письма используются как качественные, так и количественные методы: case study как метод изучения отдельных случаев, этногра-

фическое исследование, историческое исследование, grounded theory, различные виды контент-анализа и, наконец, дискурс-анализ. При работе с подобными текстами возможна и кооперация различных исследовательских парадигм [1; 3]. Например, с помощью статистических пакетов можно работать с упоминаниями, речевыми актами, секвенциями. Среди методов сбора информации можно выделить этнографические экспедиции, интервьюирование, «случайные» находки.

Анализ наивных текстов можно проводить с разных позиций. Тем или иным задачам соответствуют свои подходы. При изучении качества жизни, например, важна и формальная, и содержательная организации текста. Необходимо учитывать, что наивное письмо в большинстве случаев является еще и нарративом. События и процессы в наивном письме – это информация «из первых рук», наррация и дескрипция, не прошедшие мозг интерпретатора.

В качестве примера, иллюстрирующего некоторые социально-антропологические особенности частной переписки, приведем анализ одного письма, написанного жительницей Российской Федерации. Автор письма – пожилая женщина, пенсионерка, вдова.

Текст представлен в традиционном формате и фрейме письма – визуально оформлен колонтитулами (приветствие подвешено посередине строки, конец листа завершает подпись), присущими только личному письму по формату, по фрейму предлагается (по крайней мере, фигурами речи) обмен информацией.

Далее прилагается полный вариант текста. Орфография и лексика автора сохранены. Текст написан в мае 2001 года и адресован из азиатской части России (Сибири) в Крым (Украина). Упоминаемые в тексте фамилии сокращены. (В процессе исследования наивных текстов социолог как нигде сталкивается с этическими проблемами. Тайна переписки – право каждого гражданина, вторжение в личное пространство индивида всегда было и остается табуированным действием. Сохранить конфиденциальность эпистолярного общения, не нарушить пространство личной переписки – «пространство двоих», сберечь privacy – обязанность взявшегося за изучение переписки социолога.)

Здравствуйте дорогие!

Пишу плохо зрение становится хуже и руки плохо слушаются. Старость как то сразу подступила. Поздравляю Вас родители с такой прекрасной дочерью всем хвалюсь такой внучкой. Счастья ей огромного. О нас: у Лены Анюта вышла замуж в Башкирию, жених оттуда, а живут в Н-ске, а свадьба была в деревне. От нас ездила только Лариса с Мариной и Вовой у остальных нет денег. Ларисе я дала денег в долг. Свадьба прошла хорошо, должны приехать сюда, по пути забрать Василия. Он после свадьбы приехал в Е-нск у них тут закрытая квартира Лена купила. А потом своим ходом поедут в Н-ск. Леня был 2 раза в Чечне, работает в милиции. Приехал купил не новую девятку вот и раскатывает на ней. Лена сразу уехала на работу. Парень хороший. Аня не работает. Окончила курсы, работала на компьютере в каком то учреждении, уволили ее что то стало ухудшаться зрение. У Гали растёт сын Андрей. Работает она бухгалтером в типографии где и Лена работает, вызвали из дикрета на работу Зарабатывает хорошо.

Андрею наняли приходящую няню. Лена работает как вол. Болеет после операции, голова всё время болит. На свадьбу занимала деньги у Гали. Теперь отрабатывать надо. Павлика поздравляю с хорошим окончанием учебного года.

Лена очень Добрая Мать ее любят зятя и очень хорошая дочь. Больше всех мать жалеет.

О себе здоровье не совсем, часто прихватывает сердце, ноги плохо слушаются хожу только в магазин не подалёку и в аптеку. На лекарства уходит много денег. Пенсия у меня не большая, помогает Галя. Лариса не работает. Толя опять квасит после кадирования. Ольга работает ко мне не ходит после крупного разговора. Ребята редко бывают. Шурик тоже на меня в обиде за квартиру (забрала завещание). Забирает телевизор и мебель. Нужно покупать новый телевизор. У них Татьяна окончила школу с золотой медалью. Ко мне не ходят не считают нужным. А Ира вообще меня за человека не считает. Я не растраиваюсь, не очень уж она мне в радость. Шурик работает на мраморе в К. Учить Танечку надо будет. Страшный стал худой- работа тяжелая, пыльная Наталья устроила в приезд Галины скандал не

заявляется *Купила немного ягод наварила варенья, компотов закрутила готовлюсь к осени. Хочется еще хоть годик прожить, вряд ли. Ну что бог даст Живы будем не помрем как говорил наш отец Павел Ильич. После Зина на кладбище не смогу сходить. Охотников нет, а травы полно дожди были, а раньше я по 2-3 раза в месяц была. Дети оказываются у меня не подарки. Только у матери застолье справлять любят. Заканчиваю накрывать столы и здоровья у меня нет и дорого для меня одной. Заканчиваю. Как ваше здоровье, как трудитесь. Целую, обнимаю Вас мама, бабушка.*

В тексте 4 авторских абзаца (кроме обращения и подписи), но количество смысловых фрагментов не совпадает с количеством абзацев. Хотя в социальном плане эти абзацы – суть семейные кластеры. В каждый кластер (абзац) вкладывается информация об одной из генеалогических ветвей. В частной эпистоле грамматические правила и социальная логика не всегда совпадают.

Особенностью текста письма является «скомканность» его завершающего/завершающих сюжетов. Это диктуется физическим фреймом письма. Начинать новую страницу нет желания – значит надо сконцентрировать оставшуюся информацию в последних нескольких строчках, сократить текст до простых однозначных предложений.

В приведенном письме автор вычленяет наиболее существенные, значимые элементы. В данном случае – это состояние собственного здоровья и своеобразное «послание» к потомкам: мол, не забывайте меня на этом и том свете. «*Как ваше здоровье, как трудитесь*», – этим высказыванием Адресат высказывает пожелание о продлении коммуникации. Переписка представляет собой как бы полимер, связующими звеньями которого являются конвенциональные формы приветствия и прощания. «*Жду ответа как соловей лета*» – предусматривает «*Привет, получил твое письмо я сразу же отвечаю*».

Автор несколько раз указывает на «дыры» в своём скудном семейном бюджете и одновременно на свою кредитоспособность. Как говорил А. Парфенов в своей программе «Намедни», хрущевское нововведение – пенсии для колхозников (а в реальности для колхозниц) превра-

тили старших членов семьи из обуз в источник хоть и незначительной, но стабильной прибавки к семейному бюджету. Не хватающей для самого необходимого – еды и лекарств – пенсии, хватает, чтобы одалживать деньги на поездку на свадьбу. Бабушкиной пенсии теперь ждут не только жаждущие мороженого внуки, но и запивший сын, и собирающаяся поехать на свадьбу дочь. Особое место занимают долговые отношения, своеобразно отражающие семейную иерархию и не отражающие до конца и адекватно финансово-материальный рейтинг родственников.

Положительные эмоции связаны, главным образом, с еще детьми и внуками. Радуют школьные успехи не только «*послушных*», но и «*опальных*» потомков. Дети дают повод для наррации. Первый появившийся зуб, крестины, четвертные оценки, выпускные экзамены, золотая медаль – события, о которых просто необходимо знать в другом городе, стране, на другом континенте.

В наивной эпистоле значимыми знаковыми системами является не только речь, но и написание. Кроме нескольких орфографических, в тексте обилие грамматических ошибок. Отсутствие точек (даже перед заглавной буквой нового предложения), запятых как бы подчеркивают то, что письмо – своеобразный поток сознания автора. Возникшая в конце предложения ассоциация дает начало новому, непредвиденному сюжету. Это придает целостность эклектичному переплетению экзистенциальных и бытовых сюжетов: «*Купила немного ягод наварила варенья, компотов закрутила готовлюсь к осени. Хочется еще хоть годик прожить, вряд ли*».

Отдельно следует отметить ошибки в словах иностранного происхождения – кодирование, бухгалтер, декрет – и характерное написание слова «*бог*» – с маленькой буквы, что практиковалось с 1917 по 1991 гг. А образование автором, пожилой женщиной, было получено именно в предвоенные годы. Анализ ошибок может быть одним из направлений социально-лингвистического анализа.

Ключевыми словами, описывающими социальную реальность, являются деньги, работа, здоровье, дети – нехитрая формула житейского счастья. Автора не беспокоят судьбы челове-

ства, государства, народа. Макроструктуры и макропроцессы сконцентрированы в микрокосмосе Автора. Важность покупки телевизора заслоняет собой полеты в космос.

Письма не похожи одно на другое. За каждым стоит отдельная личность, такая непохожая на другие жизни. Но непохожесть содержательной стороны не отрицает подобия стороны формальной. Предложенный пример описывает лишь несколько особенностей частной переписки. Анализ других писем показывает, что наивный дискурс в системе культуры занимает особенное место. Прежде всего, это монолог, самовысказывание, форма самораскрытия и самоопределения. Существует и тематический охват, и тематические ограничения, сопряженные с реальным (фактуальность) и фикциональным (допредикативные очевидности, стереотипы) наивного дискурса.

Одной из особенностей такого типа высказываний есть насыщенность нарратива экзистенциональными состояниями (смерть, болезнь, рождение, стресс, любовь) и тем, что является индикаторами качества жизни: питание, одежда, комфорт жилища, состояние окружающей среды, степень удовлетворения различных потребностей. Такие вот крайности. Либо метафизика, бытие, либо повседневная мишура. Третьего не дано. Письмо – это проявление личностных чаяний, апеллирующих не к Большому Нарративу (историческим метанарративам, языку «большой» политики, идеологии), а к жизни прозаичной, повседневности – разрешению мелких бытовых вопросов, повседневных забот. Таков один из рукавов политической дельты постмодернистского толка. Это отображается в превалировании самоидентификации на уровне малых или партикулярных структур. Кажущаяся алогичность потока сознания, хотя бы в постмодернистском понимании, придают наивному письму целостность в своем эклектизме.

Можно предположить, что авторство в наивном письме, в частности в наивной эпистоле, не укладывается в концепцию «смерти автора» Р. Барта. Личная переписка (не эпистолическая литература), т. е. то, что было написано для прочтения конкретным адресатом с коммуникационной целью, является исключением, когда текст имеет автора, но этот

автор скорее не адресант, а адресат, потому что именно адресат своим социальным статусом «заказывает музыку», т. е. содержание.

Формы репрезентации стиля и качества жизни адресата находятся в зависимости от типа интересубъективных отношений лиц, состоящих в переписке. Каждому – своё! «Своё» в классических методиках достается и исследователю. Включение в область изучаемого наивного дискурса позволяет не просто глубже постичь изучаемую проблему, но и посмотреть на нее как бы с обратной со стороны – глазами предмета исследования.

Трансляция потока сознания структурирована также в социолектах. Социолекты в наивном дискурсе выступают как индикаторы субкультурного позиционирования, что позволяет делать привязку не только к социально-демографическим переменным, но и к культуре. А это личностная и социальная идентичность, гендерные, экономические, политические, возрастные характеристики автора и скриптора. Мы можем говорить о специфике отражения исследуемого предмета в дискурсах город/село, «отцы»/«дети», патрон/клиент и др. Характерным является и повседневная принадлежность наивного письма. Наивные тексты при этом выступают как артефакты вездесущей повседневности.

Наивное письмо находится в постоянном трансформационном состоянии. Это обуславливается развитием средств коммуникации, социальным контекстом, особенностями социальной перцепции, присущими данному периоду, и т. д. В ходе исторического развития человечества существовали разные хронотопические формы наивного письма. Наивное письмо активно изменяется и в глобализирующемся мире. Технический прогресс в коммуникации порождает новые виды текстов: телеграмма, сообщения на автоответчик, сообщения на пейджер, e-mail, SMS-сообщение, чат, пост, сообщение в твиттере и т. д. «Средство коммуникации есть сообщение» – повторим мы вслед за М. Маклуеном [6]. Приведенные здесь соображения касаются преимущественно рукописной, бумажной переписки, которая уже практически ушла на покой. Но целевая группа ее сторонников еще существует,

а это тоже направление исследований, в социологии села, например.

Учитывая содержательное разнообразие наивных текстов, следует сделать еще один вывод о чрезвычайной важности работы по сбору и архивации «документов жизни». Если говорить о наивной эпистоле, то работа по сбору документов в этом уходящем жанре не терпит отлагательств. Через каких-нибудь 10-20 лет мы можем потерять пласт очень важной информации, без которого понять XX век ученым будущего будет так же трудно, как современникам понять средневековье.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Gee J. P. An introduction to discourse analysis. Theory and method / Gee J. P. – New York: Routledge, 1999. – 202 p.
2. Американская социологическая мысль / [Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц и др.]; под общ. ред. В. И. Добренькова. – М. : Изд. МУБиУ,

1996. – 560 с.

3. Козлова Н. «Наивное письмо» и производители нормы / Н. Козлова, И. Сандомирская // Вопросы социологии (г. Москва). – 1996. – № 7. – С. 152–186.

4. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (Голоса из хора) / Н.Н. Козлова. – Москва, 1996. – С. 256.

5. Козлова Н.Н. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения / Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. – М. : Гнозис, 1996. – с. 218.

6. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – М. : Кучково поле, 2007. – 464 с.

7. Нарратология: основы, проблемы, перспективы : материалы к специальному курсу / [сост. Е. Г. Трубина] [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vk.com/doc79189164_289360754?hash=2239c9029a28f18895&dl=f16de01fe0d8c8d704

8. Попова И.М. Народный архив: проблемы и перспективы / И.М. Попова. – Архів. Історія. Сучасність: праці державного архіву Одеської області. – Одеса, 2001. – Т. 4. – С. 146–156.

9. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В.В. Семенова. – М. : Добросвет, 1998. – 292 с.